

са Национального комитета византинистов РФ (<http://www.vremennik.biz/content/ncom/session>)¹.

А. Б. Ванькова

Институт всеобщей истории РАН (Москва)

Послушание игумену в византийском монастыре

Каковы были объем и пределы оказания послушания игумену, был ли он единственным духовным отцом или же настоятель нес административные обязанности, а роль духовника исполнял кто-то другой, – вот те вопросы, которые встали перед нами при обращении к этой теме.

Начать хотелось бы с Василия Великого. В «Аскетиконе» законодатель тщательно разбирает, каким должен быть настоятель братства, какие опасности есть в его положении, как он должен строить отношения с подчиненными монахами, как они должны вести себя с настоятелем. В 43 правиле «Правил, пространно изложенных» Василий, приводя в качестве обоснования своей точки зрения максимум из Первого послания к Тимофею: *Будь образцом для верных* (1 Тим. 4:12), постановляет, что настоятель должен жить в соответствии с ней и обязан вразумлять не только словом: его дела должны говорить сами за себя. В 27 правиле «Правил, пространно изложенных», он говорит, что «... того, кто служит как бы правилом для нашей жизни и своею правою жизнью обязан обличать наши уклонения от правоты». Настоятелю необходимо стать настоящим отцом и о каждом брате иметь неусыпное попечение, сверяя свои распоряжения с Писанием, характером и наклонностями каждого, а монахи должны всецело повиноваться ему.

Василий Великий предусмотрительно дал наказ: чтобы настоятель мог действовать не вслепую, он должен принимать исповедание грехов не только от согрешившего, но и от того, кто видел грех, но не смог самостоятельно вразумить брата. При этом не только грехи, но и все тайны, в том числе сердечные, монах должен открывать настоятелю. Это не что иное, как откровение помыслов, известное и по другим источникам.

Василий Великий также предупреждал возможный ропот со стороны подчиненных, ограничивая их право обсуждать действия настоятеля, оставляя его только за теми, кого сам настоятель привлек к помощи в управлении братством.

Роль настоятеля столь велика, ответственность, лежащая на нем, столь огромна, что Василий Великий сравнивает того, кто будет хулить настоятеля,

¹ См.: Быстрицкий Н. И. Информационный ресурс Национального комитета византинистов РФ // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2016. Т. 45. С. 28–29.

с Мариам, когда она поносила Моисея. Бог не оставил ее не наказанной, хотя молился о ней сам Моисей (Числ. 12).

До какой степени полагалось оказывать послушание? В ответе на вопрос 152 Василий Великий постулирует: предел послушания – послушание до смерти.

В четвертом слове Лестницы Иоанн Лествичник так пишет о послушании: «Послушание есть действие без испытания, добровольная смерть... Послушание есть гроб собственной воли и воскресение смирения... Послушный, как мертвый, не противоречит и не рассуждает, ни в добром, ни во злом; ибо за все должен отвечать тот, кто благочестиво умертвил душу его». Далее он пишет о том, как должны повиноваться более опытным монахам менее опытные: «Желающим соблюдать всегда несомненную веру к наставникам необходимо нужно незабвенно и неизгладимо хранить в сердце своем их добродетели, с тем, чтобы воспоминанием о них заградить уста бесам, когда они станут в нас сеять к ним неверие...»

Следующая значимая фигура – это Феодор Студит. Он подчеркивает высокую ответственность служения игумена: «Я не бросаю и не отвращаюсь от выпавшего на мою долю великого и страшного дела настоятельства, но стремлюсь и предаю себя вам во всем». Феодор Студит в своих «Оглашениях» высказывает радость, когда его духовные чада исправляют свои недостатки, приобретают новые для них добродетели, огорчается и даже чувствует отвращение, когда его паства впадает в грех (особенно когда это непослушание, заносчивость или лень).

Осознавая свою ответственность перед братьями, игумен призывал их слушаться его: «Я – дурной пастырь, но раз я все-таки ваш пастырь (хотя я и не могу понять, как это со мной случилось), то вы – мои богособранные и питаемые благом овцы, которые словом Господним постоянно шествуют по царскому пути... Слушайте моего голоса, голоса вашего пастуха, и не относитесь небрежно к моим наставлениям, потому что кто отстает, тот может заблудиться и погибнуть многими способами. Старайтесь понять, что я говорю. Ведь я знаю, что вы – люди разумные». В своем завещании он обращается к настоятелю: «Как настоятель должен руководить ими? Как овцами Христовыми! Как своими собственными членами! Относись к ним заботливо и уважай их, любя каждого из них равной мерой милосердия, поскольку каждый человек в равной мере заботится о членах своего тела...»

Дав наставление своему преемнику, он взывает к подчиненным ему монахам: «Смотрите на него с уважением и почестями, примите его как моего преемника. Как вы поступали со мной, также с ним соблюдайте правило послушания и не думайте менее о нем, потому что он был недавно поставлен в Господе... Мужественно претерпите до конца поприще подчинения, так что

«приобретете неувядающие венки праведности». Ведомые смиренномудрием вы должны всегда отрицаться своей собственной воли».

В типике для монастыря Богоматери Милостивой (между 1085 и 1106 гг.) Мануил, епископ Струмитцы, предписывает подчинение настоятелю, опираясь на отрывок из послания ап. Павла к Евреям (13:17), который гласит: *Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет; чтобы они делали это с радостью, а не воздыхая, ибо это для вас полезно*. На это место будут ссылаться и авторы некоторых других типиконов. Еще одно сравнение Мануила в той или иной форме появляется и в других уставных документах. Он предписывает монахам повиноваться игумену как отцу, в соответствии с тем, что они с помощью Божественного возрождения (имеется в виду постриг) заняли место сына.

Афанасий Афонский в завещании предписывает, чтобы после введения в должность настоятель имел неограниченную власть и господство в любых вопросах, как духовных, так и относящихся к телесным нуждам. В его же Ипотипосисе (963 г.) расписывается процедура возможной смены духовного отца-настоятеля. Если монах чувствовал себя в Лавре не на месте, он должен был сообщить об этом настоятелю, который, если считал, что причина уважительна, мог благословить его уход к другому духовнику или же предписать иные меры по разрешению конфликтной ситуации. В таком случае уход из монастыря сопровождался молитвой и благословением и это действие не подпадало под осуждение.

Посмотрим на распоряжения Тимофея, сделанные для типика Эвергетидского монастыря (вторая половина XI в. – начало XII в.). Этот типик имел большое влияние в монашеской среде последующего времени и ряд его положение прямо или косвенно были заимствованы в последующие уставы. Типик предусматривал исповедь и открывание помыслов настоятелю дважды в день для разных групп монахов. Монахам предписывалось оказывать всяческую честь, любовь, почтение и несомненное подчинение и послушание игумену. Автор типика при этом ссылается на уже процитированное Послание к евреям.

Диссонансом в этом одногласном хоре звучат распоряжения игумена и столпника Лазаря с Галесийской горы, дошедшее в форме завещания (1053 г.): «Я знаю, что невозможно, чтобы после моей смерти монастырь не имел настоятеля, который с помощью свыше, удовлетворительно решал бы ваши материальные нужды и ему вы будете послушны во всем, имея к нему такую же веру, которую вы выказываете мне самому. Что касается духовных вопросов, то настоятель, что правда, не всегда будет на месте, но благодаря милости Божией, у вас есть старцы. Многолетний опыт дал им точно знание духовного пути. Берите их в духовные руководители, раскрывайте им работу

вашей души. То, что вы делаете, делайте после того, как спросите их и с их одобрения... и я знаю, что вы не уклонитесь с прямого пути».

А. Ю. Виноградов, Д. А. Косоуров
Высшая школа экономики (Москва)

Византия – противник или сторонник объединения Грузии?

Вторая половина X в. в истории Византии – период нового могущества, когда катастрофического упадка достиг ее многовековой противник – Арабский халифат и зависимые от него мусульманские государства. Это обстоятельство позволило империи со второй половины X в. перейти к «реконкисте» Востока, возвращая себе территории Малой Азии, Сирии и Месопотамии¹.

Похожие процессы пост-арабского восстановления происходят и в картвельских землях, особенно на юго-западе – в Тао-Кларджети, Шавшети. Именно в Кларджети в первой четверти IX в., спасаясь от арабов, прибыл бывший эристав Картли Ашот Багратид, положивший начало династии тао-кларджетских Багратидов². Наряду с обретшим независимость от Византии в конце VIII в. Абхазским царством, княжества тао-кларджетских Багратидов значительно усилились в IX–X вв., активно контактируя со всеми соседями.

Особого же расцвета этот регион достигает во второй половине X в. благодаря деятельности правителя Южного Тао Давида III Куропалата (966–1000), об успехах которого во внутренней и внешней политике, а также в сфере культуры и искусства свидетельствуют многочисленные грузинские и иностранные источники³. Особенно активными были политические отношения Давида III с Византией: таойский властитель принял весьма активное участие в двух византийских гражданских войнах – Варды Склира (976–979) и Варды Фоки (987–989), причем вначале на стороне, а затем против императора Василия II⁴, что во многом и стало основанием для оценки его личности как наиболее влиятельного и могущественного из всех правителей Закавказья второй половины X в.⁵

В грузинской историографии за Давидом Куропалатом прочно укрепилась слава «отца-основателя» и одного из самых главных вдохновителей

¹ *Острогорский Г. А.* История Византийского государства / Пер. с нем. М. В. Грацианского под ред. П. В. Кузенкова. М., 2011. С. 373.

² *Сумбат Давитисдзе.* История и повествование о Багратионах / Пер. М. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1979. С. 31.

³ *Такашвили Э. С.* Археологическая экспедиция 1917 г. в Южные провинции Грузии. Тбилиси, 1952. С. 22.

⁴ *Ломоури Н. Ю.* К истории восстания Варды Склира // Труды Тбилисского государственного университета. Тбилиси, 1957. Т. 67. С. 43.

⁵ *Лордкипанидзе М. Д.* Из истории грузино-византийских взаимоотношений на грани X–XI вв. // Вопросы истории Грузии феодальной эпохи. Тбилиси, 1972. С. 32.